

16+

Ирина Верехтина

Золотая девочка, или Издержки воспитания

Ирина Верехтина

**Золотая девочка, или
Издержки воспитания**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Верехтина И.

Золотая девочка, или Издержки воспитания / И. Верехтина —
«ЛитРес: Самиздат», 2015

Повесть о детях глазами взрослых и о взрослых – глазами детей. Изначально предполагалось, что это будет книга для подростков. В итоге получилось нечто другое. Диалоги выполнены стилем "рубленный синтаксис". На таком языке разговаривают дети, максимально расчлняя мысли и фразы и выхватывая из окружающего мира самое главное. Философских умозаключений, авторских отступлений и описаний природы в повести нет. Диалоги на грузинском и литовском приведены с переводом. Эффект присутствия читателю гарантирован. Ах, да. События вымышлены, совпадения случайны.

Содержание

Часть 1. Родительский долг	5
Конец безделью	5
Колешник	6
«Грэми»	7
Полоса везения	9
Часть 2. Не комильфо	11
Музыкальный момент	11
Эмоции на поводке	13
Бабушка Этери	14
Лёд не комильфо	16
Часть 3. Двойной аксель	17
Каток	17
Двойной аксель	19
Часть 4. Партерные поддержки	21
Кастинг	21
Хоакин Кортес	22
Злой волшебник	23
Партерные поддержки	24
Часть 5. Сольфеджио	26
Поклонник Мануэля Бареко	26
Возмутители спокойствия	27
Маков цвет	28
Вот это удача!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Часть 1. Родительский долг

Конец безделью

Как правило, о жизни мы задумываемся, когда она припечёт: кто в семнадцать, кто в сорок пять, кто после восьмидесяти. Маринэ начала думать о жизни лет примерно с трёх. Примерно – потому что в секцию художественной гимнастики её отвели (отвезли на санках) за четыре месяца до дня рождения, рассудив, что девочке хватит бездельничать. Так что в три года она уже знала, почему фунт лиха.

Особых талантов у Маринэ не обнаружилось, но родители по этому поводу, как сейчас говорят, не парились, и воспитывали дочь на редкость разносторонне: гимнастика с трёх лет, фигурное катание с четырёх, с пяти к конькам добавили плавание, с семи плавание заменили иностранным языком (каток с половины седьмого, школа с половины девятого, очень удобно. А в бассейн возить – неудобно, потому что далеко, а француженка, настоящая парижанка, живет двумя этажами ниже).

Семилетняя Маринэ, которой пришлось по душе плавание, пыталась возражать, но мудрые родители, которые желали своему ребёнку добра, приняли единственно верное решение: умеет плавать, умеет прыгать с трехметровой вышки, так зачем зря тратить время и деньги? Пусть французский учит, деньги уйдут те же. Справится, уроков в первом классе немного.

Жить стало лучше, жить стало веселей: с утра коньки (ещё не рассвело, но метро уже открыто), после коньков школа, после школы спортзал и коньки, после коньков обед («Ма-аа, опять суп из брокколи, я не буду!» – «Из брокколи был вчера, сегодня из цветной капусты, садись и ешь»), после обеда французский «с носителем языка», потом заучивать французские слова, пока мама не позовёт ужинать («Опять творог! Не могу, он в меня не лезет!» – «Марина! На ужин творог, и ты об этом знаешь. Мне надоели твои капризы. Садись и ешь!»). После ужина французский, читать и переводить с французского на русский и с русского на французский (мадам Мари много задаёт, могла бы поменьше), после французского делать уроки на завтра, после уроков полчаса гимнастики, «и чтобы в девять ты была в постели».

К половине девятого справиться с уроками не удавалось, «будешь сидеть пока не сделаешь». Наконец с уроками покончено, гимнастика сделана, портфель на завтра сложен. Маринэ неслышно входила в гостиную, где был включен телевизор, и присаживалась на краешек стула, подальше от родителей, чтобы не погнались спать. Мать молчала (пришла, значит, все уроки сделаны, пусть смотрит). Но отец, взглянув на часы, качал головой:

– Маринэ, сколько раз тебе повторять, что уроки надо де!лать! Делать!! А не спать над ними, – строгим голосом говорил отец, и Маринэ чувствовала себя виноватой. – Мне с ремнём над тобой стоять, чтобы ты занималась? Так сейчас возьму, и будешь учиться на одни пятёрки. Не хочешь? Тогда занимайся как следует.

– Иди спать, дочка, ты устала, а тебе вставать в половине шестого, не забыла? – «меняла тему» мать.

– Не забыла... Не устала... Я чуть-чуть посмотрю, можно?

– Не забыла, тогда ложись. Телевизор будешь смотреть в воскресенье. В твоём возрасте нужно спать не меньше девяти часов, иначе организм не будет восстанавливаться, и нахватаешь троек. За тройки... сама знаешь.

Колешник

Троек Маринэ почти не получала. Но однажды, когда училась в пятом классе, принесла домой «единицу» по труду. Сверкнув на отца злыми глазами, молча швырнула на стол дневник и залилась слезами. Отец грохнул по столу кулаком и, забывшись, крепко высказался в адрес учительницы труда на грузинском, отчего у Маринэ стали пунцовыми щёки и уши. Она со страхом посмотрела на отца: сейчас он получит от мамы по полной программе. Маринина мама, которая не знала грузинского в таком расширении, против отцовских неслабых глаголов и прилагательных не возражала. Стояла, что называется, у дочери над душой с рюмкой пустырниковой настойки, а Маринэ отталкивала её руку и плакала от обиды, а ещё оттого, что ничего нельзя сделать, ничем не смыть позор «колышницы».

Колешник (как выразился отец) ей «вкатили» за то, что не принесла на урок труда яблоки для консервирования («Тема сегодняшнего урока – консервирование яблок. Яблоки все принесли, не забыли?») А на дворе декабрь, яблоки сами знаете почём. Дома были только вяленые, они вкуснее свежих и без всякого консервирования лежат в полотняном мешке до весны, сохраняя аромат и вкус.

О яблоках Маринэ забыла через пять минут. Некогда было помнить, каждый день заполнен до предела: гимнастика, каток, школа, каток, французский, перевод «от сих до сих», ненавистный творог на ужин, ненавистные уроки на завтра, ненавистная гимнастика...

– Ма-аа, можно гимнастику не делать, я же утром делала, и на тренировке...

– Можно не делать. Но можно и сделать, полчаса – и пойдёшь спать. А то к стулу прирастёшь, с уроками этими... Мариночка, девочка, не упрямься, что ещё за капризы... Спать хочешь? Так кто же тебе не даёт? Ты с французским битый час сидела, а могла быстрее сделать, и с уроками не тянуть. Выучила хоть, что задано? Смотри, за тройки отец по головке не погладит. И не надо делать такое лицо, следи за своей мимикой. После гимнастики сразу в постель.

– Мариночка, доченька, не упрямься, гимнастика обязательна, и ты прекрасно об этом знаешь. Хочешь, я с тобой посижу, а ты мне покажешь, что умеешь делать...

– Марина! Не халтурь, делай как следует, что это за «мостик» такой? А говоришь, умеешь... Марина! Как следует, это значит держать две минуты: колечко... мостик... шпагат... ласточку... и кораблик! Держи-держи-держи! Умница моя! Наша с отцом гордость. И ещё раз, всё сначала... Держать, держать, не опускать! Молодец!

– И последний раз, соберись и сделай всё идеально. Держишь две минуты – кольцо... мостик... шпагат... ласточку... Кораблик поддержи подольше, сколько сможешь. Молодец! Держать кораблик, держать... Ты что, умерла?! Ещё раз!»

«Последний раз» – это уже «на автопилоте» и с закрытыми глазами. «Ещё раз» – это когда «уже умерла». Потом душ, потом спать (во сне – каток), где уж тут помнить о каких-то яблоках. Маринэ пришла на урок с пустыми руками. Ей и ещё двум девочкам, которым родители не дали денег на покупку дорогих (по зимней цене) яблок, учительница, полная праведным гневом, нарисовала в дневниках большие жирные единицы и выставила из класса как не подготовившихся к уроку.

«Грэми»

Маринэ смотрела на жирный фиолетовый «колешник» в своём дневнике и не верила своим глазам. У неё и троек почти нет, а тут – такое унижение, такой позор. Она даже не двоечница, она колышница. Или колешница. В голове больно и звонко стучали молоточки: «эртиани, эртиани, эртиани...» (груз.: единица).

Чтобы не думать о своём несчастье, Маринэ применила испытанный способ и принялась считать до десяти: «Эрти, ори, сами, отхи, хути, эквси, швиди, рва, цхра, ати», но легче не стало, и она продолжила сквозь слёзы: «тэртмэти, тормэти...» (одиннадцать, двенадцать...). Плелась нога за ногу, всхлипывая, и утирая слёзы кулаком, как когда-то на гимнастике, когда она падала и больно ушибалась (на слезы тренерша не обращала внимания, поднимала на ноги и снова ставила на бревно). Школа была не близко, пока дошла, до атаси (тысяча) досчитала. Не помогло.

Домой она пришла расстроенная и злая. Хлопнула дверью так, что в серванте зазвенели стёкла. Швырнула отцу дневник чуть не в лицо, уселась на пол и заплакала. Гиоргис потребовал от дочери объяснений, которые и были изложены – предельно чётко, сквозь всхлипы и судорожные вздохи. В квартире воцарилась нехорошая тишина. Маринэ сидела на полу, уткнувшись головой в колени и захлёбываясь от слёз. Мать дрожащими руками капала в стакан с водой капли пустырника. Отец крикнул, открыл бар и глубокомысленно в него уставился...

На мать с её пустырником («Пей и прекрати лить слёзы. Нашла из-за чего плакать...») Маринэ посмотрела как на пустое место и выпила папин марочный «Грэми» (грузинский коньяк, мягкий, с восхитительным послевкусием, выдержка спиртов не менее десяти лет), отметив попутно, что отец не похож сам на себя. Может, на работе что-нибудь случилось? Хотя сегодня суббота, и в их семье у всех, кроме Маринэ, выходной.

Отец заставил её подняться и, обхватив за плечи, увёл в кухню. Усадил на табурет, взял за длинные косы и шуточно провёл по мокрым щекам пушистыми кончиками. Маринэ смотрела непонимающими глазами, не отвечая на ласку. «А раньше всегда смеялась» – горестно подумал Гиоргис и нехотя выпустил косы из рук, удивившись в который раз их тяжести («И как она их носит, тяжелые такие! Молчит, не жалуется – знает, что отрезать не позволю. Пусть только попробует!»)

Гиоргис бережно уложил дочери на плечи туго заплетенные косы, и с любовью смотрел, как они скользнули вниз двумя шелковистыми ручейками. – «Не плачь. Что бы там ни было, это твой первый колешник, событие надо отметить!» – пошутил отец, пододвигая к ней поближе вкусно пахнущий лаваш и её любимую бастурму с зеленью. Маринэ послушно взяла протянутую рюмку, на дне которой плескался калёным прибалтийским янтарём знаменитый грузинский «Грэми», послушно выпила, не чувствуя вкуса.

Никогда отец не предлагал ей коньяк! Ей всего двенадцать, ей дозволена только минералка, а по праздникам бокал разбавленного мукузани (прим.: грузинское красное сухое вино). Никогда не предлагал, а сейчас налил вторую рюмку (на доньшке, самую капельку), в которой янтарно светилась тягучая душистая влага, бархатно ласкающая горло, согревая его мягким теплом. – Стекающая прямо в сердце волшебная капля, от которой внутри становится солнечно, как в Леселидзе, у бабушки Этери. Отец забыл, что ей через три часа на тренировку...

Маринэ хотела ему об этом напомнить, но промолчала: возражать отцу у них дома было не принято. Выпила одним глотком коньяк, равнодушно взглянула на бастурму и ушла к себе. Подаренные ей «трудоголичкой» полтора часа (сдвоенный урок) Маринэ пролежала на диване, уткнувшись лицом в жёсткую колючую обивку.

Потом вытерла слёзы, поплескалась на лицо холодной водой, с тяжёлым вздохом сунула в сумку коньки и отправилась на каток. Вот тогда-то она и заимела свой первый перелом (со

смещением, потому что тренерша, как всегда, на неё наорала, а Маринэ, как всегда, поднялась и попыталась катать программу дальше), оказавшийся для ледовой карьеры последним.

Это случится через год. А пока – жизнь идёт своим чередом, уроки сделаны (муторно и с души воротит), телевизор остаётся мечтой (мечта сбывается в воскресенье), гимнастика сделана. Отец установил для неё в прихожей шведскую стенку и повесил гимнастические кольца, просверлив потолок дрелью, и верхние соседи приходили ругаться, потому что им пришлось замазывать дыры цементом. Гиоргис с раскаянием извинялся, прикладывая руки к груди и качая головой, после чего с нескрываемой гордостью продемонстрировал гостям домашний спортзал.

А когда они, вконец обескураженные неожиданным гостеприимством (пришли со скандалом, а им обрадовались, и получилось нечто вроде знакомства), собрались уходить, Гиоргис замотал головой «Так дела не делаются. Только пришли и уже уходите, хозяина обижают!» – и «пригласил друзей» в гостиную, где Регина накрывала на стол.

На белоснежной, расшитой серебряными цветами скатерти стояли тарелки с закусками: пхали из шпината с грецкими орехами, жареный сыр, маринованные баклажаны с перцем, солёный лук-порей, бастурма, холодная курятина, солёные грузди. В воздухе витал «ресторанный» аромат – дивный, дразнящий, вползающий в ноздри. В глиняной красивой миске исходила ароматным паром горячая картошка (и когда успела сварить?!), а над всем этим великолепием возвышались, как средневековые башни над древним городом, армады бутылок – легендарный грузинский «Греми», сухие «Мукузани» и «Саперави», десертный абхазский «Чегем», ирландский виски и знаменитая водка «Мороз» (спирт класса «Люкс», три ступени очистки).

Не успевшие опомниться «скандалисты» были усажены за стол и, наколов на вилку сразу пару хрустких солёных груздей, провозглашали тосты за здоровье прекрасной хозяйки, благополучие хозяина дома и здоровье его красавицы-дочки...

«Иди в свою комнату, и чтобы через пять минут погасила свет. Иначе не выспишься и будешь на катке досыпать, а мы за него деньги платим, и между прочим, немалые, и тренерше твоей платим, чтоб занималась без поблажек и сюси-пусей. В школе за партой уснёшь, и все над тобой смеяться будут: спит наша Мариночка и во сне причмокивает...»

Отец целовал дочку в лоб, любовно проводил рукой по косам и, легонько подтолкнув к дверям, желал спокойной ночи. Исполнив родительский долг, сел в любимое кресло и смотрел телевизор, а Маринэ уходила к себе и ложилась спать. А что ей ещё оставалось?

Полоса везения

Девяти часов на сон хватало, оставшихся пятнадцати не хватало ни на что. То есть, времени хватало – на коньки, на французский со старушкой-соседкой, взявшейся сделать из Маринэ «настоящую парижанку с беглым франсэ», на домашние задания, школьные и по языку. А больше ни на что не оставалось.

Каток – школа – каток – домой – «Мой руки и за стол, я тебе салатик приготовила, руккола с оливковым маслом, и луковый суп, по французскому рецепту. Что ты морщишься? Не хочешь есть, так и скажи. И ступай заниматься, Мария Антуановна тебя ждёт». Полтора часа французского, «орэвуар, мадам Мари», «орэвуар, мадмуазель», потом делать уроки на завтра, потом перевести текст из Виктора Гюго, мадам Мари отметила карандашом «от сих до сих», без словаря с Гюго не справиться, со словарём тоже.

...«Марина! Сколько можно сидеть! Уже десятый час, неужели так трудно запомнить глаголы? Ужин на столе, я тебе в творог яблочко потёрла, что ты морщишься? не хочешь с яблоком, сделаю с морковкой» (полчаса у телевизора с тарелкой ненавистного творога в руках, полтарелки тайком спускается в унитаз – в ведро для мусора нельзя, увидят и отругают), «в десять чтоб была в постели, если утром не встанешь, телевизора больше не будет».

И тут ей невероятно повезло (или невероятно не повезло, вопрос спорный) – она умудрилась неудачно сломать ключицу, так выразился врач, шутник, как будто можно сломать плечо удачно... – «Ааа-аа, не надо! Больно!» – «Придётся потерпеть. Я должен поставить на место кость. Это будет недолго, ещё чуть-чуть и всё» – врал хитрый врач и мял безжалостными пальцами горящее адской болью плечо, словно ему нравилось причинять боль. Маринэ пищала бесконечное «аа-а, не надо, ааа-аа!», мать делала строгие глаза: «Марина! Не устраивай здесь концерт. Тебя же учили падать... Ты даже этому не научилась! Хнычешь как маленькая и мешаешь врачу работать» – «Она мне не мешает, пусть поёт, если ей так легче» – заступался за неё врач. Маринэ молча кусала губы и ненавидела обоих.

На плечо наложили гипсовую повязку, и для Маринэ наступили внеплановые каникулы. Плечо под гипсом дёргалось и жгло, температура понималась до тридцати девяти. Через неделю боль притупилась, стала привычной. Маринэ целыми днями валялась в кресле с книжкой (в куклы она перестала играть, когда к конькам добавилось плавание) перед включенным телевизором и смотрела все программы и фильмы подряд. Маринина мама ходила кругами вокруг кресла, в котором бездельничала дочь, и строила грандиозные планы.

– Ничего, это ненадолго, вот снимут гипс, и будешь кататься. Прыгать, конечно, какое-то время не будешь, а кататься можно, потихоньку.

– Не буду, – откликнулась с кресла Маринэ.

– Так и я говорю, прыгать не будешь, – покладисто соглашалась мать.

– Je ne vais jamais sur la glase. Et s'il te faut – deuxieme pause de bras, maintenant je sais comment le faire (франц.: «Я никогда не выйду на лёд. А если заставите, сломаю второе плечо. Теперь знаю, как это делается») – ледяным голосом отчеканила Маринэ.

(«Волю взяла с матерью разговаривать! Перевести не соизволила, мерзавка, понимай как хочешь. Двенадцать лет, переходный возраст, вот и выламывается. Будет кататься как миленькая»).

– Марина, откуда этот тон? Можно подумать, что ты разговариваешь с одноклассницей. Ремня давно не получала? Смотрю, ты по нему соскучилась. Будешь кататься как миленькая!

Мамин голос крепчал, как ветер в шторм, Маринэ опускала глаза и утыкалась носом в книжку. Неожиданным её союзником оказалась тренер Алла Игоревна, которая понимала, что в Маринином «неудачном» падении виновата она, на тренировке загнала девчонку, не давала отдышаться, а после падения с двойного акселя заставила встать и кататься, не обращая внима-

ния на выражение Маринино лица. Алла Игоревна безоговорочно встала на сторону Маринэ (после такого перелома рука не будет подниматься вертикально, родители этого ещё не знают, и самое время попрощаться). С коньками было покончено, за что Маринэ была благодарна Аллочке.

На семейном совете ей было сказано, что кататься она худо-бедно научилась (Маринэ обиделась на «худо-бедно», но смолчала), а чемпионкой ей всё равно не стать (это уже удар посильнее), да она и не особо старалась (последнее было обиднее всего, Маринэ не выдержала и всхлипнула).

– Восемь лет козе под хвост! Восемь лет деньги на ветер! Порадовала родителей. Тебя же учили падать... За восемь лет не научилась! У всех дети как дети, а с тобой одни проблемы, за что ни возьмись, ничего не можешь!

(«Папочка, я могу! Просто я очень сильно устала, Аллочка на меня сердилась и орала, и обзывала, а аксель не получался, я с него падала, наверное, раз двадцать. Последний раз очень больно, и хрустнуло что-то, а Аллочка сказала– ничего страшного»)

– Так что коньки – дело прошлое, и не плакать надо, а думать о будущем. Мы тут с матерью подумали... Как снимут гипс, займёшься музыкой, в нашем доме пианино продают, и просят недорого. Инструмент хороший, импортный. Бе... Бехштекс».

Часть 2. Не комильфо

Музыкальный момент

«Bechstein» (Маринэ много лет вспоминала «бифштекс», и каждый раз это было смешно) и впрямь отдали почти даром, и для Маринэ наступили чёрные дни. Нет, она любила играть, любила свой старенький дребезжащий «бехштайн», и после того как выучила ноты и познакомилась со скрипичным (для правой руки) и басовым (для левой) ключами – дело, что называется, пошло. Ключ соль, ключ фа, ключ до и ключ ре стали для Маринэ не просто словами, диезы и бемоли больше её не пугали, а бекары не вводили в смущение. Выучить итальянские термины оказалось несложно, и всё-таки... Всё-таки это было ужасно.

Маринэ занималась приватно, как выражалась Маринина мама – то есть, три раза в неделю ездила к преподавательнице домой. Лидия Петровна жила недалеко, в двух трамвайных остановках от Маринино дома, но вот беда: она держала ротвейлера, а Маринэ с детства боялась собак.

Когда они с мамой пришли к учительнице в первый раз, Кинга заперли в ванной, он скрёбся лапами, пытаясь открыть дверь самостоятельно, и нетерпеливо повизгивал: ждал, когда его выпустят и разрешат обнюхать гостей. И Маринэ боялась: вдруг у него получится – открыть?..

В следующий раз Маринэ пришла к учительнице одна и... прилипла спиной к стене: на неё смотрели горящие глаза дьявольского пса-охранника Демьена Торна из «Омена» (книжку отец принёс из библиотеки, Маринэ проглотила её за три дня, потом перечитала ещё раз, потом ещё... и в первый раз порадовалась тому, что сломала ключицу и может без помех насладиться адреналиновой культовой мистикой, которая помогала забыть о жгучей боли в плече).

Лидия Петровна взяла её за руку и повела в комнату. – «Не надо бояться, он не укусит. Он к тебе со временем привыкнет и не будет так смотреть».

Так и повелось: Кинга выпускали из ванной через пять минут после прихода Маринэ («Кинюше там жарко, и вообще, он любит – в гостиной, а эту породу нельзя нервировать... Кинюш, лежи спокойно, ты же видишь, девочка тебя стесняется»), и все полтора часа она сидела на стуле с замороженной от ужаса спиной и думала – о рояле. Если его развернуть, между ней и Кингом был бы рояль... Как было бы хорошо!

– Святый Боже! – патетически восклицала Лидия Петровна. – Боже мой, Марина! Что у тебя с руками, кто тебе ставил руки? уж точно не я! Ты вся зажата, сядь свободнее. И держи спину. И не ложись на клавиатуру! Ты меня угробишь... Что-оо? Устала?! Часа ещё не прошло, не зли меня, Марина... Кинг!! Я тебе что сказала?! На место! Ты нам мешаешь заниматься. Большой уже, а ведёшь себя как щенок... Марина! Сядь свободнее и расслабься. Ты словно трость проглотила!

Но расслабиться не получалось: сзади сопел и топтался ротвейлер, недовольный тем, что хозяйка уделяет столько внимания длиннокосой девчонке, и держит её за плечи, и бьёт по лопаткам, а девчонка морщится (лучше бы Кинюшу по спинке шлёпнула, он любит), и за руку берёт... Нет, сие невыносимо! – И Кинг тихонько рычал...

В конце концов Маринэ не выдержала и пожаловалась отцу, но отец неожиданно принял сторону противника:

– Маринэ! Чтобы. Больше. Я. Такого. Не слышал! Как тебе не стыдно, такая большая девочка – и боишься домашнего пса. Завтра сходишь в зоомагазин и купишь ему подарок, мячик или собачье печенье, вот возьми деньги, купи на все. Он тебя полюбит, и вы подружитесь, вот увидишь.

Собацьи галеты были куплены и приняты Кингом с холодным достоинством. После часа занятий Маринэ полагался пятиминутный перерыв, которым она и воспользовалась для «налаживания отношений». Лидия Петровна тактично вышла из комнаты, чтобы не мешать. Кинг жевал, вкусно причмокивая, и смотрел умильными глазами. Маринэ вздохнула с облегчением.

Покончив с галетами, Кинг вежливо поблагодарил («Урр-рр, уфф!») – и полез к ней обниматься. От страха Маринэ залезла на рояль и поджала ноги. Кинг, царапая когтями драгоценный инструмент, пытался последовать за ней, Маринэ, онемевшая от ужаса, лупила его ногами по лобастой башке. Оба при этом верещали *forte* и даже *fortissimo* (итальянские муз. термины, обозначающие максимальную громкость звучания).

Прибежавшую из кухни на шум Лидию Петровну хватил удар. Маринэ за косы стащили с рояля, прочитали нотацию и швырнули на стул. Кинг за беспредел и nepозволительную фамильярность был заперт в ванной на неопределённый срок. Маринэ играла полонез Огинского со слезами на глазах и жалела запертого в ванной Кинюшу (он-то в чём виноват?), поэтому сыграла очень музыкально и была прощена.

Эмоции на поводке

– Ну что ж поделаешь, со временем привыкнешь и не будешь так бояться. Лидия Петровна преподаватель от бога, консерваторию окончила, с концертами полмира объездила... Теперь вот вас учит, спасибо бы сказали лишний раз... А собака что, собаки людей не едят... Маринэ! Лидия Петровна очень тобой недовольна. Ещё раз такое повторится – накажу. Умей сдерживать свои эмоции, ты не маленькая уже, – сказал отец, прочитав запись в Маринином дневнике (Лидия Петровна, как истая служительница музыки, ставила своим ученикам оценки и писала замечания в дневниках, которые родители обязаны были читать «под роспись на каждой странице»). Маринэ взяла себя в руки и держала эмоции, что называется, на коротком поводке.

Через год «поводок» не выдержал. Кинг, чьи объятия она так жестоко отвергла, помнил обиду и упорно не желал признавать Маринэ своей («Много вас тут rrr! rrrразных, и все в «свои» норррроят, прррроходной дворррр устрррроили из дома. А я – rrr! ротвейлерrrr, а не пудель, мне перед дрррузьями стыдно! Р-rrr!»).

После очередного выплеска Кинюшиных бурных эмоций (схватил в коридоре зубами за пальто и повалил на пол, укусить не позволило воспитание) «приват-классы» закончились истерикой, которую Маринэ устроила родителям и проплакала весь вечер и полночи, не в силах успокоиться и перестать.

– Зачем столько слёз, ничего не случилось, он тебя не покусал, ты же сама говорила... Не нравится ездить за две остановки, будешь ездить за восемь, – сказали родители, и Маринэ вздохнула с облегчением. Потому что в восьми трамвайных остановках располагалась музыкальная школа.

После небольшого экзамена, который она выдержала с честью, тринадцатилетнюю Маринэ приняли в третий класс вечернего отделения (всего классов было пять, пятый – выпускной), удивляясь её музыкальности и техничности исполнения (Маринэ сыграла «Насмешку» Яна Сибелиуса, запутавшись в пассажах и находчиво пропустив в середине несколько тактов).

В пятом, выпускном классе она уже свободно играла его «Грустный вальс», «Юношеский этюд ля-бемоль мажор» Ференца Листа, и «Кампанеллу» – почти как Артуро Бенедетти Микеланджели (то есть это Маринэ так думала, поскольку амбиций ей было не занимать).

Больше всего ей нравилось сольфеджио («сольфеджио» в переводе с итальянского означает пение по нотам), потому что там была хорошая компания и можно было развлечься (о том, как они «развлекались» и что по этому поводу думали преподаватели, расскажу чуть позже).

Бабушка Этери

На летние каникулы её каждый год отправляли к троюродной тётке отца в Леселидзе, где у Маринэ было много друзей. В посёлке жили абхазы, грузины, осетины, украинцы и эстонцы, и взрослые называли Леселидзе интернациональным. Дети на национальность не смотрели, игры были общими, непонятные слова объясняли и вполне понимали друг друга, умудряясь знать несколько языков и изъясняться на всех.

У бабушки Этери (которая, собственно, не была Маринэ бабушкой) был свой дом на краю посёлка и большой тенистый двор, в котором росли бабушкины любимые гладиолусы и сиренево—лиловые ирисы. И огород был, и виноградник. Во дворе росло алычковое деревце и несколько хурмин (летом хурма ещё зелёная, незрелая, вырастет, когда Маринэ здесь уже не будет, уедет домой, в Москву), грядки с чесноком, луком и зеленью, за домом – виноградник, в котором поднимались по шпалерам виноградные жилистые плети, а внизу, вдоль шпалер, росли помидоры – места хватало всем.

Ещё во дворе был колодец-журавель, и Маринэ нравилось доставать из него воду, хотя это было нелегко: в высоком прыжке Маринэ взлетала на колодезный журавель и повисала на нём, сложившись пополам (она умела это делать – вперёд, вжимая колени в лоб и обхватив ладонями стопы, и назад, почти касаясь затылком икр, что было совсем уж невероятным зрелищем для поселковой ребятни и исполнялось на бис).

Маринэ весила непозволительно мало для девочки её возраста, журавель упрямылся, не хотел поднимать из колодца ведро, а потом не хотел опускаться, но Маринэ не сдавалась и в конце концов научилась. Это была «война ласточки с журавлём», как шутила бабушка Этери.

Маринэ по привычке поднималась в половине шестого, к радости Этери, которой «внучка» помогала с огородом. Успевала и грядки выполоть, и гладиолусы полить из садовой лейки, и с подружками поиграть, и накрасить губы зеленой кожурой грецкого ореха (цвет держался несколько дней, хотя губы стягивало и жгло от йода, который был в ореховой шкурке. Но чего не стерпишь ради красоты!)

Ещё они с соседкой Маквалой и её близнецами Анзором и Анваром ходили в горы за ежевикой, и каждый раз набирали два трёхлитровых бидона. Ежевику съедали во дворе, за большим скобленным столом, запивая ягоды парным молоком. Маквала держала двух коров, бабушка покупала у неё молоко и делала творог, и не понимала, почему Маринэ категорически отказывается его есть и отчаянно мотает головой. Впрочем, сыворотку девочка пила с удовольствием – кисленькая, холодненькая, разбавленная колодезной водой, она незаменима в жару: питьё и еда одновременно.

Ещё они играли через ворота в мяч, по пять человек с каждой стороны, и наоравшись и напрыгавшись до изнеможения, отправлялись всей интернациональной ватагой к морю, прихватив с собой соседского Байкала – рыжую кавказскую овчарку, чистопородную и потому необыкновенно умную и воспитанную.

У Байкала своя история, которая заслуживает того, чтобы её рассказать: щенка, «грузинской» рыжей масти принесла в дом бабушка Маквалы. Свой поступок бабушка объяснила просто: она уже старенькая и скоро их оставит, а пёс вырастет и будет как память – о ней. И помощником будет незаменимым.

Так и случилось: бабушка умерла в том же году, а Байкал вырос красивым и умнейшим псом, сторожил дом и нянчился с близнецами, не позволяя им открывать калитку и хулиганить, но разрешая делать с собой всё, что им вздумается. Бабушкина памятка, рыжий мохнатый красавец Байкал, светлая тебе память.

Море было в двух шагах, от бабушкиного дома полчаса ходьбы. Перейдёшь Адлерское шоссе, держа Байкала за ошейник и чувствуя, какой он тёплый под густой и мягкой шерстью, –

и вот оно, море! Купайся сколько влезет. Маринэ плавала как дельфин, и буйки замечала только когда плыла обратно.

Лёд не комильфо

Но лето кончалось, а вместе с ним «кончались» друзья, поскольку дома Маринэ было не до них, она ничего не успевала («Занимайся как следует, и в кого ты такая несобранная!»). С пятого класса в школе «пошёл» английский язык, который у Маринэ тоже «пошёл» и она самым серьёзным образом пыталась переводить Джона Китча на французский, тайком от всевидящих родителей. Получалось неплохо, и хотя дальше подстрочника дело не шло, Маринэ не отчаивалась. Ничего, потом получится.

В классе её любили – никто не мог перевести текст лучше, и Маринэ с удовольствием помогала одноклассникам, переводя оба заданных варианта, что называется, под копирку.

– Маринка, вот скажи, чего ты не умеешь? – спрашивала её соседка по парте, черноглазая Галя. Маринэ пожимала плечами и хмурила длинные брови.

– Машину водить.

– Ага, скажи ещё, что вертолёт не умеешь водить и самолёт. И катер!

– Самолёт не могу, а катер могу, я летом научилась. У Пятраса отец в яхтклубе работает, он Пятраса учил, и меня заодно научил.

– А он кто? Имя такое странное...

– Да никто, говорю же, сосед. Справа тётя Маквала живёт, а слева Яннис Густавович. Я по-эстонски понимаю немного, Пятрас меня научил, – похвасталась не любившая хвастаться Маринэ, и Галя посмотрела на неё с уважением. Тише воды ниже травы, а катер водить умеет! И понимает по-эстонски. Врёт, наверное.

Маринэ умела всё: плавала всеми известными стилями, играла на пианино «Dla Elizu» Бетховена на школьных вечерах, неплохо танцевала (Маринэ блестяще каталась на коньках, тренер честно отработывала деньги, а танцы ей ставил хореограф, Маринин папа заплатил ему за дополнительные занятия. Маринэ считала, что дополнительные занятия – это уже слишком, но её никто не спрашивал).

В девятом классе они с Галей всю зиму ездили на каток «Дружба» на Воробьёвых Горах (которые тогда назывались Ленинскими). Воскресенья были для Маринэ праздниками, она с удовольствием садилась за пианино, с удовольствием занималась танцами в клубе (Арчил Гурамович проводил для желающих показательные уроки – танцевал с партнёршей, ученики смотрели и повторяли) и весь день мечтала, как вечером будет кататься – целых три часа!

Родители против катка не возражали («в школе шесть уроков в день, плюс музыка, плюс танцы, вечерами уроки и рояль, в воскресенье рояль, спортзал и фламенко... Пусть девочка отдохнёт»). Они радовались тому, что Маринэ снова встала на коньки, но не понимали, зачем было выбирать дорогой каток, когда можно покататься за двадцать копеек в Парке Культуры?

В ответ Маринэ гневно заявила, что в Парке Культуры «лёд pas comme il faut (франц.: не комильфо) и слишком мягкий, дорожки inconfortablement (франц.: неудобны) и все в буграх, освещение плохое, а публика mal aleve (франц.: дурно воспитана). Отец крикнул и потребовал перевести. Маринэ мстительно перевела на грузинский, чтобы мать не поняла. Регина поджала губы: вырастили негодяйку. Отец задумался.

Но выдвинутые аргументы говорили сами за себя («говорили» на парижском французском!), и каждую субботу Гиоргис торжественно выдавал дочери две трехкопеечные монетки на трамвай (туда и обратно), два пятака на метро (туда и обратно) и рубль, который Маринэ отдавала за входной билет на каток.

Часть 3. Двойной аксель

Каток

Каток открывался в восемнадцать ноль-ноль, лёд *comme il faut* и можно кататься до десяти вечера, но они с Галей уходили в девять: возвращение домой позже десяти каралось браддэбулис сками (по-грузински – скамья подсудимых, а по-русски – не будет никакого рубля, никакого катка).

Три часа на коньках Галя выдерживала с трудом, периодически отсиживаясь в буфете, где она поглощала невероятное количество песочных пирожных, заедая их бутербродами с докторской колбасой и запивая сладким кофе.

– Галя! Опять в буфет? Ты же только что оттуда!

– Где – только что? Я уже полчаса катаюсь, у меня ноги замёрзли и кофе хочется. Тебе разве не хочется?

Маринэ качала головой, отказываясь. Не могла же она признаться, что хочется, но у неё нет денег, только восемь копеек на обратную дорогу. Пить кофе за Галин счёт было стыдно, да и калории в буфете рукоплещут и скандируют. Арчил выгонит её из ансамбля, даже разговаривать не станет, посмотрит на стрелку весов и укажет на дверь. И отцу позвонит. Дома за такое убьют сразу, даже ругать не будут...

– Ты ешь, ешь, не стесняйся. Будешь как снежная баба!

– Не хочешь, как хочешь, я пошла...

На негнущихся ногах Галя плелась в буфет – заедать пирожными «снежную бабу». Она с удовольствием уехала бы домой, но спорить с Мариной бесполезно: прокатавшись три часа, она уходила с катка со слезами на глазах – «Ещё бы часочек, и всё, и больше не надо...»

– Марин, неужели ты не устала?! Я – как бобик, на все четыре лапы хромаю, – признавалась подруге Галя. Маринэ молча пожимала плечами и морщилась («Правое плечо, где твоя совесть, когда же ты заткнёшься? Будешь ныть, упаду и сломаю ещё раз, помяни моё слово!»)

Конечно, бутерброд с кофе был бы очень кстати, но о буфете Маринэ даже не заикалась, тема закрыта: или буфет, или фламенко (Маринэ занималась танцами с четырнадцати лет, хотя поначалу особого желания не проявляла. Но её мнение никого не интересовало: руководитель ансамбля был другом отца, и всё как всегда решили за неё). Через год Маринэ, что называется, втянулась, несмотря на ежедневные шесть уроков в школе и домашние задания, на которые катастрофически не хватало времени, хотя она сидела за уроками дотемна.

Маринэ нравилось танцевать испанское фламенко, которое так просто не станцуешь: это вам не летка-йенка и не вальс «и – раз, два, три, и – раз, два, три», под который топчутся по площадке, стараясь не наступать друг другу на ноги. Фламенко это целое искусство. Фламенко – это минус пирожные, минус кофе и минус бутерброды с колбасой. Без кофе и пирожных обойтись можно, а без танцев... Без танцев она не сможет.

Кроме всего прочего, Кобалия не упустит возможности и скажет про неё отцу: «Гоги, твою дочь распирает, как тесто на дрожжах. Что, скажи на милость, мне с ней делать?». Мать скривит красивые губы (Регина очень красивая, почти как Лилита Озолия, Маринэ немного на неё похожа, хотя брови у неё отцовские, и губы тоже) и скажет что-нибудь насчет булимии, которую надо лечить, а отец промолчит... и больше не даст ей денег, и придётся три воскресенья в месяц кататься (на сэкономленных на трамвае копейках) на буграх и колдобинах Парка культуры и отдыха... Ну уж нет! От такого отдыха можно остаться без ног. А без буфета вполне можно обойтись, не очень-то и хочется, можно потерпеть. Зато нормальный лёд и музыка нормальная.

– Марин, тебе не надоело кататься? Пойдём, погреемся.

– Я на льду погреюсь, и тебе советую. Ты как мёртвая катаешься! (любимое выражение бывшего Марининого тренера, Аллы Игоревны, в просторечии Аллочки, вспомнилось как нельзя кстати) – Хочешь, научу? Давай руку...

– Ой! Ай!! Ты что творишь?! Я же упаду, я боюсь... Что значит, ничего страшного? Это тебе ничего, а мне больно... Маринка!! Не так быстро, куда мы с тобой разогнались, на пожар, что ли? Ой, я сейчас упаду! Ты меня уронишь, руку отпусти... Ай! Ох... больно как! Говорила же тебе... Теперь синяк будет («Будет, и не один, мне ли не знать...»)

– Ну и наплевать, зато кататься научишься.

– Я и хочу кататься, а падать не хочу, – капризничала Галя, ей бы Аллу Игоревну, со льда не поднималась бы.

– Не любишь падать, не падай! – озвучивала Маринэ ещё один Аллочкин перл, и Галя тарасила на неё глаза, пытаясь понять смысл сказанного.

Двойной аксель

Галя, запыхавшаяся после «обучения», ошеломленная скоростью, с которой она каталась (летела надо льдом, держась за Маринину руку), плюхнулась на деревянную скамейку, не помышляя больше о буфете и во все глаза глядя на Марину: на такой скорости умудряется не падать, и ноги на ходу меняет, и задом едет... Как хочет, так и едет! Интересно, где она научилась так кататься?

– Марин, почему ты не падаешь? Я три раза уже шлёпнулась, а ты ни одного. Вот бы мальчишки посмотрели, не стали бы тебя пай-девочкой дразнить. Слушай, а ты где так кататься научилась? – приставала Галя и слышала в ответ:

– Пусть дразнят, я уже привыкла и на дураков не обижаюсь.

– А прыгать умеешь? – не унималась Галя. – Тулуп, лутц и этот, как его... флинт?

– Флип. А ты разбираешься! Те, что ты назвала, это зубцовые, а есть ещё рёберные – сальхов, ритбергер и аксель.

Марин, какие ещё рёберные? Я только названия знаю, а больше ничего не знаю... Марин, покажи, а? Ну, хоть разочек... Один раз, Маринка! Аксель – слабо?

Галя, похоже, знает, о чём говорит. Или угадала случайно? Что называется, берёт «быка за рога», аксель ей подавай. Вот уж – что угодно, только не аксель. С него-то Маринэ и упала, «журавлик отправился в полёт», как цинично выразилась Алла Игоревна.

Прыжок – обязательный элемент в фигурном катании – выполняется обычно с левой ноги с приземлением на правую, исключая ритбергер (выполняется весь на правой ноге: правый рёберный стопор, вращение на правой, приземление на правую). У Марины хорошо получался сальхов (заход с дуги назад внутрь), а аксель не получался, потому что она устала и вместо того, чтобы сосредоточиться на прыжке, думала о том, что вечером её ждёт франсэ и уроки на завтра...

Аксель – самый трудный из всех прыжков, выполняется после мощного разбега на скорости пять-шесть метров в секунду. Если неправильно выполнить аксель, сильно ударяешься о лёд на хорошей скорости. Маринэ устала падать и ударяться, тело превратилось в один сплошной синяк и невыносимо болело, а Алла Игоревна не устала повторять: «Марина, что ты вытворяешь?! Соберись, наконец! Плохо сегодня катаешься, очень плохо. Пока не прыгнешь двойной аксель, домой не пойдёшь. Давай, ещё раз!»

...Самый трудный – аксель, единственный из прыжков, который выполняется на движении вперёд: с левой ноги вперёд с приземлением на правую ногу, рёберный стопор сменяется зубцовым, который обеспечивает хорошую высоту прыжка.

В тот чёрный день Маринэ прыгнула двойной аксель в два с половиной оборота, что называется, на последнем вдохе. Ноги у неё сильные, тело лёгкое (вес ниже нормы), вот только сил уже не осталось – Маринэ взвилась высоко вверх и... приземлилась на жёсткие руки. «Жёсткими» руки быть не должны ни в коем случае, можно повредить плечо, и голову тоже можно. Что Маринэ и сделала – правая рука ударилась о лёд и скользнула по нему в сторону, подставив под удар правое плечо и голову.

Сотрясение мозга прошло (это не очень приятная вещь, всё время тошнит и всё время плохо), плечо напоминало о себе до сих пор, но Маринэ нашла выход – не падала. И не прыгала аксель. Она вообще больше не прыгала, только сальхов иногда, исключительно ради удовольствия. И не при Гале, с неё станется, растрезвонит на всю школу...

– Не смогу. Мне падать нельзя, у меня плечо... Я его сломала, немножко, уже зажило, только правая рука... Она ничего, но до конца не поднимается, – путано объяснила Маринэ. И заглянув в Галины глаза, из которых враз исчезло веселье, поспешно добавила:

– То есть, я могу поднять, но немножко больно. Врач сказал, это пройдёт, – вдохновенно врала Маринэ. Не «немножко» и не пройдёт, но Гале этого знать необязательно.

– А если ты на него упадёшь? – встревожилась Галя. – Ты же как ненормальная катаешься...

Маринэ молча пожимала плечами и отрывалась, что называется, по полной программе, не зря она училась восемь лет. Ногам было радостно «вспоминать», и они «входили во вкус» раньше самой Маринэ...

Часть 4. Партерные поддержки

Кастинг

Одноклассникам знать об этом не обязательно, как и о танцах, которыми она занималась всерьёз. А ведь не хотела! Спасибо отцу – настоял на своём и, крепко взяв строптивую дочь за руку, отвёл в Клуб детского творчества, на кастинг в студию фламенко к Арчилу Гурамовичу Кобаалии (и наверняка заплатил, чтобы учил дочку «как следует» и не давал расслабляться, Арчил гоняет её больше других, как призовую лошадь на скачках).

В студию фламенко (самодельный, или, как говорил Кобаалия, околопрофессиональный ансамбль с громким названием «Легенды фламенко», руководитель с бурным прошлым – хореографическое училище, затем академия хореографии и две операции на ногах, партнёрша руководителя – с ещё более бурным прошлым) Маринэ приняли после унижительного осмотра в облегающем тонком трико.

Маринэ, которой исполнилось четырнадцать, выдержала «экзамен» сцепив зубы, молча выполнила всё, что от неё требовал Арчил Гурамович молча вытерпела на себе его руки, когда он «поправлял движения».

Арчил Кобаалия, в просторечии Коба, танцевал как Хоакин Кортес (легендарный испанский танцор фламенко) и гонял их в хвост и в гриву по три часа ежедневно, с пяти до восьми вечера. После чего «артисты» (которым все три часа убедительно втолковывали, что они ни на что не способны и до профессионалов им как до звёзд) отправлялись в душ. Душевые в клубе, слава богу, были, иначе как же домой ехать...

Клуб находился в получасе ходьбы от Маринино дома, так что она всегда возвращалась домой пешком (зачем тратить деньги зря, за месяц из трёхкопеечных монет, выданных отцом на трамвай, набиралось полтора рубля, и можно было «кутить»).

«До свиданья, Арчил Гурамович» – «Аста ла виста, амигос, завтра прошу не опаздывать и на занятиях не спать, а танцевать».

На ужин творог без сахара (лаваш в уме), потом час за пианино (по вторникам и пятницам полчаса), потом делать уроки на завтра, «в одиннадцать чтобы была в постели, сон обязателен для восстановления организма», какая трогательная забота о её здоровье!

Хоакин Кортес

По вторникам и пятницам к танцам добавлялась музыкальная школа. Занятия начинались сразу после уроков, Маринэ едва успевала. – «Марина, pietus ant stalo» (лит.: обед на столе) Маринэ усмешается – кто же танцует с полным желудком? – «A ciu, mama, as nenogiu» («Спасибо, мама, я не хочу»). Когда отца нет дома, мать переходит на родной литовский. Маринэ понимает, но не всё, и тогда Регина качает головой и сквозь зубы повторяет по-русски, и Маринэ чувствует себя виноватой. Вот и сейчас, проглотив под пристальным взглядом матери четыре ложки супа и буркнув «спасибо, мама, было очень вкусно», вскакивает из-за стола и вылетает из дома ракетой. Какая гадость мамин суп из спаржи, за которой Регина ездит через день на рынок, и не лень ей... Ничего, вечером творога поест, должна же она что-то есть. Маринэ согласна – на нелюбимый творог, спаржу с противным оливковым маслом (мама покупает нерафинированное, полезное, гадко пахнущее) – Арчил Гурамович обещал им гастрольную поездку в Испанию, поедут не все, только лучшие. За Испанию она согласна на всё.

Ей нравилось смотреть, как Арчил танцует *canto grande*, нравился их танцевальный коллектив, а испанская гитарная музыка приводила её в восторг. Занятия фламенко открыли для неё новый мир, да что там мир – целую вселенную! Южно-испанская (андалусийская) гитарная музыка, длинное облегающее платье для танцев, с традиционными оборками и воланами (воланы Маринэ решительно отрезала, оборки были милостиво оставлены) и шаль-мантон с длинными-предлинными кистями.

Canto grande – высокий стиль, один из видов фламенко. Есть ещё облегчённый, *cante chico*. Кобаля отдавал предпочтение *cante hondo/jondo* (глубокий и серьёзный драматический стиль) и не представлял фламенко без элементов классического балета, от души нагружая ими *canto grande*. Так что осилить «высокий стиль» могли немногие, и в ансамбле процветала «текучесть кадров».

Кобаля не сдавался и набирал новых учеников, с «нормальной» растяжкой, «какой-никакой» гибкостью и «нормальным» весом «рост минус сто пятнадцать». На занятиях он никогда не зашторивал окна и, завидев прильнувшие к стеклу любопытные физиономии, всякий раз повторял: «Взгляните в окно – на вас смотрят и завидуют!» (практика доказывала обратное, и после месяца занятий ученики нередко переходили в категорию «смотрящих»).

Танцевали танго, тангильо, тьенто, фанданго и севильян, отбивая каблуками по деревянному настилу ритм испанской гитары (прищёлкивания пальцами и хлопки ладонями прилагаются). Арчил Гурамович любил двенадцатидольные ритмы (сигирия, солеа, ливьянос, серрана, кабалес) и классический балет. Последний требовал классического подхода, трёх часов в день было до смешного мало, подготовка учеников оставляла желать лучшего, но Кобаля клятвенно обещал им поездку в Испанию на «Биеннале фламенко» (фестиваль фламенко в Севилье, который проводится один раз в два года) – для тех, кто не ленится и приходит на воскресные занятия. Кроме биеннале, планировалась гастрольная поездка по Испании. С гастролями не получалось, и они откладывались на неопределенный срок.

Злой волшебник

По четвергам Маринэ появлялась в студии с полуторачасовым опозданием: в этот день в музыкальной школе было сольфеджио и музыкальная литература. Сольфеджио с четырёх, перемена на двадцать минут, музлитература до шести, бегом на трамвай – и *santo grande* (исп.: высокий стиль, один из видов испанского фламенко) до восьми вечера. О музыкальной школе Арчил Гурамович знал, и проблем у Маринэ не было, «в воскресенье жду на дополнительные занятия, придёшь на два часа раньше и отработаешь пропущенные полтора».

Воскресенье – это два часа в спортзале, а потом занятия с группой. Арчил утверждал, что разминка на спортивных снарядах ничуть не хуже балетного станка, тем более что растяжка у Маринэ из разряда «более чем», а зал в воскресенье свободный, грех им не воспользоваться. Итак, долой танцевальное платье (длинное бледно-голубое чудо с оборками в два яруса, подаренное ей отцом – к неудовольствию матери, которая считала, что её портниха сшила бы не хуже).

– «Марина, не возись!» – командовал Арчил. – Платье сняла, обувь сняла, трико надела, подошла ко мне» – получасовая партерная гимнастика, потом сорок минут на снарядах (разминку Кобалия целиком составлял из силовых упражнений, не тратя времени «на ерунду»): Маринэ на шведской стенке (Арчил на брусках); Маринэ на кольцах (Арчил не снимает рук с её талии, боится, потому что Маринэ правое плечо ноет, как больной зуб. – «Это хорошо, что больно, сустав разрабатывать надо, куда врачи смотрели, о чём думали!»), наконец долгожданное приказание: «Отпустила руки». Маринэ послушно разжимает пальцы и... медленно скользит вниз, а руки Арчила Гурамовича медленно скользят вверх по её телу в тонком трико, и с этим ничего нельзя сделать!

Кобалия смотрит на её горящие щёки и говорит ласковым, добрым голосом: «Молодец, девочка, всё хорошо, не надо стесняться. А теперь соберись с силами, и – на брусья, только не говори мне, что не можешь».

Партерные поддержки

На брусках ей ничего не остаётся, как только вспоминать. Самое любимое воспоминание – о том, как она собирала в горах магхвали (ежевика) с бабушкой Этери, соседкой Маквалой (чьё имя переводится как «ягода») и её близнецами. Главное, не думать о боли в плече, о том, что Арчил стоит рядом и ждёт, когда Маринэ не выдержит и свалится (бруска после колец – это жестоко, потому что у неё болит плечо и устали руки, и Арчил знает, что она непременно упадёт, а он не даст ей этого сделать – и Маринэ снова окажется в его руках...)

Может, рассказать отцу? Но они с Арчилом дружны, Арчил скажет папе, что это простая партерная поддержка, а «девочка выдаёт желаемое за действительное» и отец будет над ней смеяться, как смеялись близнецы, когда бабушка налепила вареников с ежевикой и забыла положить в начинку сахар. Вареники получились такими кислыми, что их никто не мог есть, кроме Маринэ (ничего, что кислые, дома и таких не допросишься). Маринэ макала вареники в сметану и заедала сахаром, но ей всё равно было кисло. Маринэ морщилась, а близнецы над ней смеялись и называли ткбили, сладкая...

...Сил не осталось совсем, руки не желали слушаться, пальцы разжались сами собой, Маринэ соскочила с брусков и оказалась в сильных руках Кобалии. Опять – в его руках, и с этим ничего нельзя сделать...

К чести Арчила Гурамовича, заставляя Маринэ заниматься буквально до упаду, он ни разу не дал ей упасть. Вот и сейчас – подхватил и поставил на ноги, продолжая держать – левой рукой за спину, правой поперёк груди.

– Эх, ты... Цыплёнок табака! Больше каши надо есть и больше заниматься. Окончишь школу, я за тебя возьмусь, – пообещал Арчил, не выпуская Маринэ из рук, и она вздрогнула от отвращения. словно не замечая этого, Арчил перехватил её поудобнее, и Маринэ оцепенела от стыда и гадливого ужаса.

– Ты падаешь так неожиданно, что поддержки у нас получают более чем!

Маринэ дёрнулась и попыталась вырваться, руки Арчила пробежали по её телу, словно проверяя, всё ли на месте, и после тщательной проверки наконец отпустили.

– Всё, всё... Вижу, что больше не можешь, – как ни в чём не бывало сказал Арчил Гурамович. – Марш на скамью! Соберись, Маринэ, уже немного осталось. Зато в Испании мне не придётся за тебя краснеть».

(Никакой он не Хоакин Кортес, он коршун Ротбарт, злой волшебник из «Лебединого озера», но заколдовать Маринэ ему не удастся: она закончит школу и уйдёт из ансамбля. Пусть с Миланой своей... танцы танцует, а Маринэ будет с Отари).

Наступала очередь гимнастической скамьи, на которой полагалось «качаться» (работает брюшной пресс, бёдерные и икроножные мышцы, а руки отдыхают от колец и брусков. Арчил на другом конце скамьи тоже качает пресс и ноги, без них – какие танцы...)

Наконец скамья придвигалась к стене, Арчил садился и вытягивал ноги (Маринэ это называла – «устроился удобно»). Маринэ надевала бледно-голубое платье, Арчил включал магнитофон с гитарным сопровождением, и развалилась на жесткой скамье с видом сибарита, сидящего в мягком кресле, в течение следующих сорока минут лениво отпускал обидные замечания и колкости на её счёт, а Маринэ отрабатывала пропущенную в четверг половину урока.

Затем повторялась сорокаминутная разминка: трико вместо платья, кольца вместо танцев, сорок минут это немного, пролетят – не заметишь...», – утешал Маринэ Арчил, ласково поглаживая по плечам.

Сорок минут – это четыре раза по десять. Шведская стенка и руки Арчила. Гимнастические кольца и руки Арчила. Он снова не дал ей упасть, схватил в охапку, улыбнулся ободряюще, крепко сжал. Через тонкое трико она чувствовала его горячее тело и в жарком смятении

думала, что лучше бы она упала, пусть бы упала... На брусьях её мечта сбылась, Кобалия о чём-то задумался, и Маринэ, не удержавшись, шлёпнулась на постеленные маты. И наконец – гимнастическая скамья. И тяжёлый, липнувший к телу взгляд Арчила. Смотрит как гиена на добычу. Нет, она всё-таки скажет отцу... Или не скажет. Сорок минут закончились.

И заслуженная награда – вожденная душевая. Отвернув до отказа оба крана, Маринэ двадцать минут стояла под колючими холодноватыми струями (двадцать минут в раю, упёршись в стену руками и закрыв глаза). Потом надевала голубое платье и садилась на скамью, чувствуя себя где-то между землёй и небом...

Потом приходили все остальные участники ансамбля, приезжала на вишнёвой «ауди» партнёрша Кобалии Милана (Кобалия в папином возрасте, Милана лет на десять моложе), и после блестящего выступления «упавших с неба звезд», за которыми следовали дружные аплодисменты, начинались собственно воскресные занятия. Выдержать их Маринэ помогала мысль, что вечером они с Галей поедут на каток.

Часть 5. Сольфеджио

Поклонник Мануэля Бареко

Но – вернемся к урокам сольфеджио. В Марининой группе было восемь учеников, поровну мальчиков и девочек. Четыре пары, как необдуманно лягнула молодая преподавательница музыкальной литературы (на литературу группа приходила в том же составе). К удивлению учительницы, они не желали делиться на пары, упорно оставаясь группой – дружной и спаянной: три пианистки, скрипачка, два виолончелиста, флейтист и аккордеонист.

Последний оказался довольно дерзким и называл «девчонскую команду» не иначе, как «четыре неразлучных таракана и сверчок», за что тараканы не обижались, а сверчок грозился обломать об Отара смычок. Да, в довершение ко всему «возмутителя спокойствия» звали Отаром, по национальности лезгин или осетин, чёрт их разберёт, по лицу абрек, позавчера спустившийся с гор, по интеллекту намного выше своих ровесников, явные способности к музыке, идеальный слух, длинные сильные пальцы и неповторимая (непоправимая!) харизма.

Кроме класса аккордеона, Отар занимался по классу гитары, совершенно бесплатно. Пришёл в класс гитары и признался преподавателю, что «бренчать» на гитаре в принципе умеет, но хочет научиться играть как Мануэль Бареко, а денег у него нет, поскольку мать платит за музыкальную школу (аккордеон), отец за спортивную (бокс), у самого же Отара акче булунмамак (турецк.: отсутствие денег). И находчиво предложил опешившему гитаристу оплатить занятия...лет через пять, когда он вырастет и пойдёт работать. Заплатить Отар обещал по повышенному тарифу. Что называется, с походом (так на рынке взвешивают товар постоянным покупателям, снимая с весов пакет и щедро добавляя горсть-другую чернослива, орехов или кураги).

Отказаться от такого выгодного предложения гитарист, как вы сами понимаете, не смог, и Отар – единственный в школе – занимался по классу гитары бесплатно (иными словами, нелегально, без ежегодных экзаменов и без выдачи свидетельства об окончании класса гитары).

Молодого преподавателя подкупило знание двенадцатилетним Отаром турецкого, вполне сносное владение гитарой, красивые длинные пальцы и то, что мальчишка-лезгин не понаслышке знает о Мануэле Бареко. Отар бредил гитарой и Эйтором Вила Лобосом, и гитарист просто его пожалел – «отдали» парня на аккордеон, на котором Отар играл стискивая от омерзения зубы.

Возмутители спокойствия

Что до хулиганов в группе, ими были уже знакомый нам Отар и... Маринэ. «Возмутители спокойствия» удивительно подходили друг другу: черноглазый Отар и чернокосяя Маринэ. По паспорту она была Маринэ. Маринэ Георгиевна Метревели, фамилия не вполне соответствовала внешности, так как на грузинку она была похожа меньше всего, а на кого она была похожа – сказать не мог никто (мать из Литвы, отец из Абхазии, то ли грек, то ли грузин, кто их разберёт).

Тоненькая, с неуловимой грацией движений и столь же неуловимым акцентом, с длинными, почти до пояса, косами и черными бровями вразлёт, Маринэ всем пришлась по душе и, можно сказать, оправдала ожидания: у неё был почти абсолютный слух (прим.: абсолютный слух – это не воспроизведение мелодии голосом, это когда слышишь тональность звучания). Маринэ слышала тональность и записывала мелодию, что называется, навскидку.

Что до хулиганства – оно заключалось в том, что Маринэ не составляло труда написать все три варианта диктанта. Музыкальный диктант – это мелодия, которую учительница играет несколько раз на рояле, а учащиеся записывают её в нотных тетрадах в виде нот в заданной преподавателем тональности.

Требуемые тональностью диезы и бемоли расставляли коллективно, всей группой, после чего, затыкая пальцами уши, когда звучал «чужой» вариант, писали свой, нещадно грызя карандаш и выплёвывая опилки.

О выходках Отара Темирова поговорим чуть позже.

Маков цвет

Маринэ максимально упростила группе задачу, в считанные минуты записывая все три варианта музыкального диктанта и передавая листки по рядам. Ирина Львовна пошла ва-банк и вместо трёх вариантов сделала пять. Маринэ длинно вздохнула и справилась с пятью.

– Ну и что мне с вами делать? Восемь вариантов задавать, каждому персонально? Вы дождётесь! – пригрозила Ирина Львовна и услышала в ответ:

– А Маринка восемь напишет.

– Смело. Вот потому и не буду. А тебе, Марина, стыдно так себя вести, шестнадцать лет, давно пора стать взрослой.

– Пятнадцать, шестнадцати нет ещё, – уверенным баском возразили с задней парты.

– Ну, Отар лучше знает, – улыbnулась Ирина Львовна, и Маринэ залилась краской.

– Марина красная, как маков цвет, – добила её учительница. Маринэ сгребла с парты тетрадку и карандаш, сунула в портфель учебник и выбежала из класса. Ирина Львовна поняла, что перегнула палку.

Отар молчал, мял в руках карандаш. Раздался хруст. – «Ирина Львовна, карандаш сломался. Можно взять?» – Встал из-за парты, прошел к роялю, где стояли в стакане остро отточенные карандаши, вернулся на место. Кррак! – «Ирина Львовна, можно ещё взять?»

– Можно. Но можно выйти, ведь ты *этого* хочешь, Отар? И возвращайтесь дописывать диктант, оба. Так. Группа, прекратили ломать карандаши, у вас это вряд ли получится, для этого пальцы железные нужны... Пишем все диктант. На этот раз придётся самим, эта парочка вряд ли вернётся. Ннн-да.

Открылась дверь, и в класс вошла Маринэ. Прошла, глядя в пол, села за свою парту и принялась водить карандашом по нотным строчкам. Вслед за ней тенью скользнул Отар, сверкнул на класс злыми глазами и тяжело уселся на своё место. «Привёл, надо же! А девочка его слушается, хотя он младше на целый год. Издержки воспитания... Ну что ж, спасибо ему, исправил мой педагогический промах» – улыbnулась Ирина Львовна. Отар заговорщически ей подмигнул и, опустив глаза, занялся диктантом (Маринэ умудрилась передать Отару его вариант, иначе бы его в конце концов исключили из школы, а Маринэ этого не хотела).

Урок продолжался, диктант каждый писал самостоятельно. Маринэ сидела, сложив на коленях руки – давно написала свой вариант и теперь маялась без дела в ожидании, когда окончится урок. Ирина Львовна едва сдерживала улыбку: нечем девочке заняться...

Вот это удача!

Маринэ всё сходило с рук: Ирина Львовна восхищалась её умением писать диктанты престо кон фуоко (итал. муз. термин: «быстро и с огнём») и закрывала глаза на многое. Но однажды Маринэ с Отаром «перешли границы»...

Это случилось в конце мая. Стояла необыкновенная, прямо—таки африканская жара. Маринэ, привыкшая к абхазскому горячему лету (тридцать восемь градусов в тени и сорок два на солнце ни у кого не вызывали удивления), только пожимала плечами, Отар как всегда молчал, остальные совсем скисли.

Группа в полном составе сидела и лежала в тени огромной берёзы, дожидаясь Ирину Львовну, которая почему-то опаздывала (в учительской сказали, что она «задержится минут на двадцать пять, что-то там с ребенком, но занятия не отменяются» и велели им «погулять»). Маринэ с Отаром хватило времени, чтобы воспользоваться неожиданной удачей. А изобретательности им хватало всегда.

– Айда за мороженым! Мы тут в асфальт вплавились, а Ирка гуляет (называть так Ирину Львовну они позволяли себе только когда она была далеко). – Ну, кто пойдёт? Или нам с Маринкой одним?.. Боятесь, что горло схватит и петть не сможете? Да ни фиги! С одной пачки ничего не будет, мы с Маринкой каждый день едим, и ничего (Маринэ при этих словах опустила голову, сосредоточенно разглядывая пряжку на туфельке и изо всех сил сжимая губы).

К приходу Ирины Львовны группа сидела в классе, вполне довольная жизнью.

– Ну, приступим, – обратилась она к классу – Хочу извиниться перед вами за опоздание. Мне из садика позвонили, Мишенька пуговицу откусил и пп-проглотил, и я... Я чуть с ума не сошла! – Ирина Львовна всхлинула, вновь переживая ужас случившегося. Группа сидела с каменными лицами (не маленькие, выпускной класс). – Спрашиваю, болит животик? Он головой мотает, не поймёшь... Спрашиваю, пуговица-то хоть красивая была? А он из кармашка достал – вот, смотри! Не глотал он ничего, пошутил он так, боялся, что воспитательница отберёт. Пуговица-то не его... У них там девочка пришла новенькая, в платице с аппликацией из пуговиц. Мишеньке она очень понравилась, и платице понравилось, он и откусил! – рассказывала Ирина Львовна. И не выдержав, расхохоталась. Группа повалилась на парты в приступе неуправляемого смеха. Смех прозвучал неожиданно хрипло.

Отсмеявшись, вытащили из портфелей нотные тетради. Ирина Львовна вызывала всех по одному и предлагала спеть мелодию с листа. Но не тут-то было: петть никто не мог, все сипели и хрипели так, что «слушатели» корчились от смеха, а когда вызывали их самих, хрипели и сипели... (прим.: от мороженого, если его глотать кусками – а все так и делали, потому что торопились и потому что так вкуснее, – от мороженого моментально садятся связки, и петть после этого... мягко говоря, проблематично)

После четвертого «певца-исполнителя» Ирина Львовна тяжелым взглядом оглядела класс. Маринэ сидела, не поднимая глаз от тетради. Отар беспечно жевал карандаш.

– Тааак... Метревели. – Маринэ грациозно поднялась из-за парты, и Ирина Львовна в который раз удивилась, как неуловимо она это делает. Серебристый голосок безошибочно и звонко вывел все изгибы мелодии.

– Тааак... Темиров. – Отар спел довольно прилично, сфальшивив в конце. («А говорят, у мальчиков в этом возрасте голос ломается. У этого не ломается, всё не как у людей»).

– С вами всё ясно, мороженого вы не ели. Остальных сегодня можно не вызывать, – безошибочно определила Ирина Львовна. – Поднимите руки, кто ел мороженое? (лес рук). Тааак. Урок сорван. Ну, что вы сидите, идите домой. Вы ведь этого добивались? Идите. Я тоже виновата, не должна была опаздывать... Один-один, ничья. – Ирина Львовна сняла очки и...

улыбнулась. Значит, не сердится. Она хорошая и добрая, и всё им прощает, любые выходки. Ей сегодня столько пришлось пережить... А они добавили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.